

● ● ●
Твой сегодняшний напарник,
неприветливый на вид,—
лёгким джоггингом по парку
дождь прозрачный шелестит.
Он вокруг не видит лица
и с тобою заодно
по ветвям желает слиться
в чёрно-белое панно.
Учащённое дыханье
да потухшая листва.
Одна живём и канем
в эти тропы одна.
По стеклу вселенской лужи
пробегаю босиком,
сердце собственное слушай—
ни о чём и ни о ком.

● ● ●
Дышу—
и, стало быть, здоров,
как пионер, всегда готов,
а если чуть подробнее:
слетают перья облаков
на тельники и робы.
Склонясь незримо над тайгой
и глядя в наши рыла,
седые ангелы тайком
нам подставляют крылья.
Как только наша не брала
и где не пропадала!..
Хрипит в руках бензопила.
Кипит смола, как соль, бела.
И осыпаются крыла.
И пот из-под банданы.
Я буду жить—сейчас и здесь,
упрямо, зло, по-новой.
И тема есть.
И тема есть.
И хлеб насущный даждь нам днесь,
и внутреннего слова.
Из девяностых, из лихих,
мне мало просто верить.
И потому пишу стихи,
чтоб не остаться зверем.

● ● ●
Когда годами пахал на стройке
в жару за тридцать,
в дубак под сорок,
и кирпичами ложились строки,
а в них стоял ты с трубой подзорной,
и, глядя в дали, глядел далёко,
и видел то, что другим не видно:
и перспективу,
и подоплёку,
и за державу свою не стыдно,—
и уплывала беда скорее,
белея парусом одиноким,
с весёлым висельником на рее
в огнях и брызгах ангарских окон.

● ● ●
Ты вахту в памяти отметил
и не забудешь никогда:
на корточках на табурете
воссел Валера Магадан,
король стальных колонн и балок,
а за окном—метель в окно,
и непогода задостала,
а дело делать всё равно,
и мы горбы свои горбатим,
и семьи наши далеки,
и вот на кухонном квадрате
в лесном массиве вдоль реки
плывём, куда заносит ветер,
ветра сугробы намели,
где нам убытки и не светит,
где остаёмся на мели,
и Валерьян чего-то брякнул—
по теме, в жилу, свет и мрак,—
и прокатилось по бараку,
и грохнул хохотом барак,
и отлегло, и потеплело,
и отболело заодно,
и бился ветер снегом белым,
и было так, как быть должно.

Владимиру Фокину

Бывают дни, когда
пустыми дни бывают,
хандра разбудит память, и на станцию «Ангарск»
забросит, и толкнёт к ближайшему трамваю,
где на задворках родина.
Где факел не погас.
Пенсионерами хрущёвские кварталы
да сталинки да в неподшитых валенках бредут,
и сердце заскулит
в слезах сентиментальных,
что павшую звезду качает лебедь на пруду.
Стучи, трамвай, ворчи.
Туда-сюда, обратно—
я до конечной твой бессмертный неопассажир.
С китойского моста до труб химкомбината
про молодость в фуфаечке, хороший, расскажи.
В таёжную дыру и глухомань пожалте!
Где город твой и мой
в рассветной дымке возникал
из кранов башенных, бетона и асфальта,
дрожя на арматуре—медных струнах сосняка.
Где до сквозных морщин я знаю лица эти:
как фонари сутулые, в одном ряду стоят
строители. Зека. Фронтовики. Поэты.
И белый лебедь на пруду, где фонари горят.
Где вдоль вот этих стен и жёлтых этих окон,
в витринах и по битому стеклу замёрзших луж
размыта будет эта ночь,
как на ресницах тушь
у женщины вон той, извечно одинокой.
Я больше не могу, я вымерз вместе с ними.
Притормози сейчас, вагон, я на ходу сойду!
Товарищи мои...
И, лёгок на помине,
привет тебе, Володь, из града Володимир.
Ни родины.
Ни лебедей, качающих звезду.

С крестом—серпа и молота—на флаге
эсэсэсэра, в детстве золотом—
мы все тогда, советские салаги,
водой делиться из походной фляги
впитали с материнским молоком.
Будёновца играть или матроса.
Быть рыцарем под красною звездой.
Бесстрашные Корчагин и Матросов—
вершители истории земной.
Так верил я.
Так рос.
А после вырос.
Потом трещало общество по швам.
И медным тазом родина накрылась.
И по рукам, красивая, пошла.
Мир колобродит.
Около, но бродят
Мадонна с Марадоною.
Мавроди.
Да Ринго Старр.
На ринге Тайсон, стар.
А я сижу за столиком напротив,
живой покуда—ни добра ни худа,
и опадают строчки как с куста.
Я дед, я сед,
я прожил так, как прожил.
Я шило лет на мыло зим сменял.
А если эту грыжу подытожить—
тот крест со мной.
Но Павка не поможет.
И Александр не зовёт меня.